

из Крайности в Крайность

Финехас Зейдан

Рассказы о надвигающейся на монастырь смертельной угрозе Финехас со свойственной ему хладнокровной безалаберностью выворачивает мехом куда попало, почти что переиначивает и делает из этого какие-то очень сильно свои выводы. Делай сегодня, потому что завтра уже ничего не будет, завтра мы все умрём – в голове у Финна бестолково бьётся что-то такое, и это подталкивает его к тому, чтобы наконец всерьёз взяться за себя. Но не за попытки освоить искусство древней магии или не менее древней боевой науки; нет, Финн предпринимает попытки наладить свою личную жизнь. Он на своём мгновенно вспыхнувшем увлечении когда-то не настоял, позволил ему растаять, допустил, чтобы мгновение утекло водой сквозь пальцы, а теперь запоздало позволяет этому пламени разгореться по новой, и снова вспоминает невероятно незащитные карие глаза, и хочет, чтобы эта девушка у него хотя бы на один день была. Хотя бы на один час, потому что – завтра нас не станет, завтра мы все умрём, и лучше уж быть вместе час, чем не быть вообще.

С этой мыслью Финехас берётся за поиски, и готов носом землю рыть и весь монастырь перевернуть – а его драгоценная девушка неожиданно оказывается совсем рядом, и найти её очень просто. Финн чувствует себя глобальнейшим болваном: столько времени впустую потерял, идиот, когда уже давно мог бы со всем справиться, – и спешно бросается навстречу и по пятам.

Райан он находит одиноко приткнувшейся у корней огромного монастырского дуба. Кроме неё, возле мощного дерева никого, и это и к лучшему, потому что Финн намерен быть напористо невежливым. Но начинает он все же осторожнее, чем хочется, чтобы не напугать девушку раньше времени, и, подсаживаясь к девушке поближе, так близко, что уже на грани пощечины, с вызовом говорит: – Попалась, которая целовалась! – И неважно, что это уже годы назад случилось.

Райан О'Мера

Если раньше Райан старалась как можно больше времени проводить в комнате, бок о бок с Ириной, то теперь она, напротив, старалась как можно чаще сбегать куда-нибудь, куда-угодно, лишь бы выйти вон. С тех пор, как в Ирине потух весь огонь, как Райан разбилась о тщетные попытки вновь вдохнуть в нее хоть какую-нибудь, хоть блеклую тень былого огня, комната стала невыносимо похожей на гроб. Гроб, в котором обитает живой мертвец, и Райан малодушно не хотела уподобляться второму.

Изредка О'Мера проводила время со своими немногочисленными подругами, выкрадывая по несколько минут у Евгении или у Эвы, но гораздо чаще она оставалась одна, не умея ни к кому прибиться и читая какую-нибудь книгу. Так и сейчас, сидя в одиночестве у корней дуба, Райан читала взятую из библиотеки книгу - и не чувствовала себя несчастной, или брошенной, и даже не пребывала в панике по поводу того, что книги в библиотеке могут однажды закончиться. Библиотека пока была все так же необъятна, словно чрево проглотившего Иону кита, и бояться того, что однажды эта необъятная бесконечность иссякнет, не стоило.

А вот того, что ее вдруг настигнет прошлая встреча, уже почти покрывшаяся пеплом, но вдруг почему-то снова ожившая - бояться, как выяснилось, стоило.

- Финн! - смущенно и беспомощно пискнула Райан, прикрываясь книгой. И робко возразила: - О, если мы говорим о поцелуях, тогда это скорее я должна на тебя охотиться. Я придерживаюсь мнения, что это все-таки *ты* целовал меня, и я в этом мнении непоколебима. Пожалуй, это тот редкий случай, где я готова попытаться стать скалой. Наверное. Но даже если это я целовала тебя - все едино, я не понимаю, зачем ты пришел сейчас. Я ведь не воровала невинность твоих губ, чтобы ты сейчас желал за это призвать меня к ответу. Скорее уж, это ты украл невинность моих, - бормотала Райан, смутно понимая, что именно она несет. От воспоминаний о том, единственном в ее жизни настоящем поцелуе ее до сих пор бросало в дрожь и в жар, и то, что рядом так близко сидел целовавший ее тогда парень, ситуацию лишь усугубляло. - Зачем ты так рьяно вторгаешься в мое личное пространство? Ты пытаешься с помощью этого вторжения что-то до меня донести?

Финехас Зейдан

Она такая знакомая, словно с момента их последней встречи не безумное количество месяцев прошло, а всего считанные дни, и как будто не изменилась совсем. Финн все так же понятия не имеет, что произнесут ее невозможные уста в следующий миг, и откровенно наслаждается этим ощущением.

А Райан засыпает его фразами-выпадами, фразами-недоразумениями, и Финн готов слушать ее еще долго, вовсе не считая ее речь нелепой или больной. Но девушка задает вопросы, и они явно не риторические, поэтому долго отмалчиваться не выходит.

— Не ищи чересчур глубокого подтекста. Я с помощью этого вторжения пытаюсь донести до тебя, что хочу быть к тебе поближе, только и всего. Затем и пришёл, — заявляет Финн, который вроде бы уже понимает, что лучший способ донести до Райан свои мысли — это быть максимально прямолинейным и не погребать важный смысл под многослойной шелухой лишних слов. Потому что за любое излишне яркое необязательное слово девушка непременно зацепится, и совет вокруг него изящный венок догадок и домыслов, и это все, конечно, очень увлекательно — но все же, так до сути разговора можно никогда не добраться. А эта суть внутри трепещет так, будто у неё совсем мало времени, считанные часы всего, и путаться в лишних словах попросту некогда. Финн кладёт ладонь на талию Райан — тоненькую, тёплую, — придвигается вплотную, касаясь плечом острого плеча девушки, и негромко, провокационно интересуется: — Какую ещё невинность я могу у тебя украсть?

И излишне даже говорить, что у Райан самая необычная на свете манера обзывать первый поцелуй.

Райан О'Мера

Райан пошла испуганными пунцовыми пятнами - она никогда раньше не оказывалась в подобной ситуации, разве что совсем отдалённо. И понятия не имела, что говорить молодому человеку, который так настойчиво и одновременно так ласково просит её невинности, и ни одна книга ей этого не подсказывала, подсказать не могла. О'Мера поспешила сунуть свою книгу юноше в руки, оттягивая тот момент, когда Финн окончательно наложит на ирландку обе руки, и тогда пиши пропало. Мысли болезненно искрили и сбились, и Райан страдальчески пожаловалась: - Оох, у меня щеки горят. У меня сейчас не кровь под кожей, я уверена, это чистейшая лава. И это сделал со мной ты, не знаю, как, но ты. Мне страшно, что ты имеешь надо мной такую власть. Но вместе с тем и хорошо, мне электрически-хорошо, когда я думаю о том, что могу быть для тебя по-женски

привлекательна! - сказала Райан, постепенно переходя от тона несчастного к тону очень радостному. У неё под кожей непрерывно сновали электрические искры, кололи сладким предчувствием любви, и ничего приятнее О'Мера никогда не испытывала.

- Моими самыми долгими отношениями с мужчинами всегда были случайные столкновения взглядов на улице. Я мало, я так мало знаю обо всем этом! - пробормотала Райан, начиная раскаиваться на месте. И робко, доверчиво улыбнулась: - Но мне кажется, я в тебя влюбляюсь. Это будет очень глупо звучать, если я скажу, что ты - мой первый рассвет за долгую-долгую полярную ночь? Стой, не говори, я уже сама слышу, это звучит глупо, ах, зачем у меня такая глупая правда! - О'Мера в отчаянии закусила пальцы. И не сразу рискнула продолжить: - Конечно, ты скоро возненавидишь мой язык, тебе будет казаться, что он тебя душит. Быть может, ты уже начинаешь ненавидеть его. Я не знаю, я понятия не имею, какую невинность я могла бы тебе отдать, чтобы искупить это, - отчаянно сказала Райан. И с надеждой вскинула голову: - Но я могу пойти к мастерам! Может быть, они смогут починить меня, мой глупый язык, мою нелепую-нелепую голову. Мне сделать? Ты хочешь?

Финехас Зейдан

К тому, что Райан попытается отпихнуться от него книгой, Финн готов – уж больно удобно эта книга лежит у девушки в руках, – а потому реагирует мгновенно и сбрасывает никому сейчас не сдавшийся талмуд в сторону. Сейчас его интересует только Райан, вся она, до кончиков волос, до кончиков ногтей, и он ничему не готов позволить тебя отвлечь. Тем более, мелочам всяким.

– Так уж и первый? – недоверчиво интересуется Финехас и обнимает Райан за плечи. Ему кажется это странным – ну и глупые парни нынче пошли, неужели ни один так и не разглядел, какая она удивительная и хрупкая, – но вместе с тем его это и эгоистично радует. Потому что теперь он входит в жизнь девушки с определенным триумфом, практически въезжает принцем на белом коне (хотя до принца ему, и Финн сам отлично это осознает, примерно как до Луны пешком), и в какой-то степени ему очень просто забрать себе ее симпатию; просто, потому что на нее больше никто и претендовать не пытается.

– Так, стоять. Твоя голова – это только твое дело. И ты уж точно не должна принимать подобных решений, думая о том, что понравится или не понравится мне, – возражает Финн. Ему не нравится, куда сворачивает разговор, какие решительные поступки сразу же предлагает Райан, словно первым же ходом бросается вперед с козырей. А еще он малодушно думает о том, что если мастера, как выражается Райан, "починят" ее голову, то удивительная инаковость девушки, так отличающая ее от всех остальных, тут же исчезнет. Финн думает именно об этом, когда произносит вслух: – Но если ты хочешь знать мое мнение – мне вовсе не нужно, чтобы ты себя "чинила", мне нравится твоя голова такой, какой она есть, – и, взяв лицо Райан в ладони, Финн нежно прикасается губами: к ее правому виску, к левому, в заключение, ко лбу, и верит в то, что прикосновения девушка почувствует и поймет гораздо лучше любых слов.

Райан О'Мера

Книга, как Райан боялась и надеялась одновременно, не остановила Финна ни на мгновение; только что была, и вот уже будто и не было ее. О'Мера осторожно, пугливо припала к юноше плечом и робко подтвердила: - Первый. Но разве это

плохо? Разве это станет для тебя моим критическим недостатком? О, пожалуйста, пускай не станет! Я только-только обрадовалась тому, что ты появился. Если тебя сейчас вновь не станет, это будет очень жестоко, не знаю, смогу ли я это вынести. Не знаю, пожелает ли мое сердце продолжать биться после такого, - трагически пробормотала Райан. Но Финн, вопреки её нытью, никуда не ушёл и не пропал, и его тёплые ладони все так же лежали на ее плечах.

Он говорил такие вещи, которые ирландка до него и не слышала ни от кого, в которые даже поверить едва ли было можно - и тем не менее, Райан слушала, разинув рот, и в каждое слово верила, каждому слову разрешала быть правдой. Все слова запоминала, все заботливо складывала в памяти, и они наполняли её изнутри тёплым золотистым светом, как кружащиеся внутри фонаря светлячки.

- Я так рада тебе нравится! - порывисто призналась Райан и послушно подставила Финехасу лицо. У него заметно выступала вперёд верхняя губа, и в каждом прикосновении чуть-чуть опережала нижнюю, и девушке это очень нравилось. Это была маленькая трогательная деталь, которую можно было бережно запомнить и сохранить в отдельном уголке памяти, где Райан уже с фанатичностью сороки собирала все, что касалось Финна. Там уже хранились его глаза, цвет которых метался от зелёного чая до мертвенного индиго и никак не желал застыть для Райан каким-то одним оттенком; его низкий голос и манера слегка тянуть слова с ленцой, изредка проглатывая отдельные звуки. Но этого было так ничтожно мало, и Райан рискнула попросить: - Я хочу знать тебя лучше. Хочу изучить тебя всего, знать весь список твоих эмоций и реакций, помнить все твои привычки и стать одной из них, знать твои шрамы и родинки, мимику, голос и любимые слова, понимать, как ты мыслишь, и что чувствуешь. Я знаю, на это может уйти тысяча лет - но я согласна, если это будет тысяча лет, рядом с тобой, - залпом выпалила Райан. Выпалила и тут же нервно поднесла руки ко рту: - Или я прошу слишком многого? Тогда осажь меня, заключи меня в твёрдые границы, и я поклянусь их не переступать. Что мне можно теперь, когда ты хочешь быть ко мне ближе? Я не знаю. Научи меня.

Финехас Зейдан

— Да уж ничего хорошего, — категорично заявляет было Финн, но тут же осекается и прикусывает язык, вовремя вспоминая, как остро Райан реагирует на неосторожно брошенные слова, воспринимая их самым что ни на есть буквальным образом. Финехас немедленно отказывается от придуманной было затейливой речи и спешит объясниться: — Не в том смысле, что ты плохая, вовсе нет. Ты прекрасна, я так считаю и впредь считать буду. Я имел в виду — получается, тебя совсем мало в этой жизни любили? — мягко спрашивает Финн. Очень на то похоже, раз Райан так доверчиво и безоглядно льнет к первому попавшемуся проходимцу, объявившему, что он желает её любить. Хорошо, что египтянин из порядочных проходимцу и действительно *желает*, а не просто болтает об этом.

На прикосновения губ Райан реагирует почти восторженно, поэтому Финн без зазрения совести тут же затаскивает девушку к себе на колени. Она совсем лёгкая, как воробей, и хрупкая, как статуэтка из тончайшего фарфора. Финехас пламенно обещает: — Буду любить тебя так долго, как только ты мне позволишь. Тысяча лет — по-моему, отличный срок, меня устраивает. Договорились, изучай меня всю тысячу лет как считаешь нужным, я на все согласен, — и Финн подкрепляет свое обещание, целуя Райан в губы. Тоненькие, удивлённо распахнутые, чуть прохладные губы, с которых хочется пить эту прохладу снова и снова, от которых отрываться не хочется ни сейчас, ни в ближайшую вечность.

Райан О'Мера

Мало любили?

Райан была совсем не готова к такой формулировке, вдруг сорвавшейся с губ Финна - ей и в голову никогда не приходило, что любовь можно измерять количественно, она же эфемерная совсем, ускользающая с кончиков пальцев, на какие весы её положить можно, какими мерками охватить, - и потому сперва удивлённо застыла. Чтобы не сразу, после паузы, осторожно ответить: - Я не знаю. Как это можно знать? Каковы единицы измерения любви? Она не рассчитывается в дюймах, унциях, амперах. Как мне перевести любовь в цифры, чтобы понять, прав ли ты?

И пока Райан болтала - как обычно, близкая к тому, чтобы на ровном месте выдать полоумный спич на более чем сомнительную тему, - Финехас, в отличие от нее, времени на пространную болтовню не терял. О'Мера не успела толком ахнуть, как оказалась у юноши на коленях. Это было определено ещё ближе прежнего и оттого смущало девушку ещё сильнее, и ни одного способа остановить так разогнавшегося на сближение Финна она не знала. Но вместе с тем - эта мысль билась внутри так неистово, что грудная клетка Райан почти ходила ходуном, и было бы наивно и глупо её отрицать, - такая нацеленность Финна на нее была бесконечно приятна.

- За тысячу лет я успею тебе наскучить. Во мне нет ничего настолько интересного, чтобы это увлекало тебя на протяжении десяти веков. Моя паника всегда однообразна, - самокритично заявила Райан. И тут же крепко вцепилась в плечи Финна, сама испугавшись своих аргументов - а вдруг они окажутся достаточно сильны? вдруг сумеют убедить юношу отвернуться? И Райан спешно заявила: - Я думаю, что это мой долг - предупредить тебя. Это единственное, что я могу сделать, потому что отказать тебе я не в силах. Тысячу лет быть рядом с тобой - звучит слишком заманчиво. И слишком тепло, наверное - слова ведь могут быть теплыми? Я могу их так назвать?

Она не была уверена, что Финн её дослушал и услышал, потому что он уже тянулся поцеловать ее, но это, в конце концов, и значения-то не имело, она ведь всё равно согласилась. Райан прильнула к юноше, неумело и неловко целуя его в ответ - и ей все казалось, она вот-вот в обморок упадет, потому что не бывает сразу столько такого концентрированного счастья, это слишком много в один миг, чтобы разум и сердце могли спокойно это перенести.

Финехас Зейдан

Все то, что говорит Райан, Финехас, конечно, слышит - но ему, признаться, уже немного не до этого. Да чего уж там: даже совсем не до этого. Рассуждения о единицах измерения вполне могут немного подождать, они от этого в труху не распадутся и вообще ничего с ними не случится. Из этих соображений Финн отодвигает их до лучших времён - которые обязательно наступят, но несколько позже, а сейчас ему куда интереснее целовать Райан. Которая не сопротивляется, не пытается отогнать от себя настойчиво лезущего с руками и губами юношу, да и вообще, если верить её собственным словам (а есть хотя бы один повод не верить?), ей происходящее между ними под этим разлапистым дубом даже нравится. И Финн ещё некоторое время увлечённо целует её нежные, доверчиво раскрывающиеся в ответ губы, неспособный думать о чем бы то ни было другом - откровенно говоря, он и не пытается. Не то чтобы он желал заморозить сладкий момент времени, упрятать его в бутылку и хранить там до скончания веков - но не прочь потянуть приятные мгновения. Чем, собственно, и занимается, и тянет до тех

пор, пока это не начинает казаться уже неприличным и даже слегка смахивать на каннибализм, как будто он уже не целовать, а съесть девушку пытается. Только тогда Финн нехотя отрывается от губ Райан, но выпускать её из объятий даже не думает, наоборот, крепче прижимает девушку к своей груди. И, поглаживая Райан по спине, замечает: – Вообще-то я рассчитывал, что рядом со мной поводов паниковать у тебя не будет, и я смогу увидеть тебя и в разных других настроениях тоже. Или, думаешь, не смогу? Ну уж нет, такого провала ты от меня не дождешься. Из шкуры вылезу, а осилю, – и на самом деле Финну, как той ещё змеюке, пусть и надежно спрятанной в человеческом теле, в каком-то смысле вылезти из шкуры даже просто. Но Финехас, понятное дело, сейчас говорит фигурально и вовсе не то имеет в виду.

Райан О'Мера

В первые мгновения для Райан было странно, что её можно целовать так долго. Что Финн не отстранился сразу же, едва почувствовав, как неловко и неуклюже двигаются ее губы. Первые несколько секунд она ещё умудрялась об этом напряженно помнить, а потом – забыла напрочь, поверив поцелуям безоговорочно. Райан впервые в жизни ощутила себя легкой, как воробьиное перо; её насквозь пронизало странное вдохновение, и ей, млеющей от ласки, грезилось, что она теперь все может. Что не осталось невозможного в мире: раз уж она может быть по-женски привлекательной, и красивой, и желанной – а то, как тянулся к ней Финн, заставляло именно к таким заключениям и прийти, – а сложнее этого, как Райан была твердо уверена, в мире нет ничего, значит, теперь ей все подвластно должно быть. Нужно только постараться.

Пока Райан только старалась ни на миг не отпустить Финна. Единственный страх, который неуютным червяком точил ей сознание, – что всё это мираж, наваждение, сон; что юноша в любой момент может исчезнуть, а она останется одна, всё так же сидеть с книжкой под деревом. Поэтому Райан охотно прижалась к широкой груди Финна, когда он обнял её крепче, и обеими ладонями уперлась ему в рёбра, и не сразу нащупала легкое эхо биения сердца, сразу сделавшее юношу ещё во сто крат реальнее.

Нет-нет, он всё-таки слишком настоящий для того, чтобы просто так взять и исчезнуть.

- Как у тебя бьётся сердце! – восторженно заметила Райан, и говорить зацелованными губами ей было непривычно-приятно. – Мне кажется, оно такое сильное и такое хрупкое одновременно. Я почти держу его в ладонях, это так удивительно! – И девушке никак не хотелось думать о том, что это сердце станет уязвимее, если с Финна содрать шкуру. Райан встревоженно вскинула голову, заискрила нервной улыбкой и поспешила пообещать: – Но я ведь привыкну, да? Я привыкну к тому, что ты рядом, и тогда мне станет рядом с тобой спокойно-спокойно. И тогда я научусь быть не только паникой, я освою что-нибудь ещё. Ты подождёшь? Я надеюсь, это будет недолго. Ты ведь дождешься? И тогда тебе не придётся вылезать из шкуры – шкура, это ведь кожа. Я не хочу. Мне нравится твоя кожа. Я не хочу, чтобы ты утратил её, да ещё и по моей вине. Мы ведь можем этого избежать? Давай избежим, пожалуйста.

Финехас Зейдан

Райан продолжает существовать и мыслить на своей параллельной, странной, но по-своему прекрасной волне; а может, она и права, когда после поцелуя первым

делом бросается искать сердце Финна. Ощупать, взвесить в ладонях, оценить — Финехас лишь смутно предполагает, какие у девушки планы на его сердце, но ни жестом, ни словом не пытается ей помешать. Вряд ли стал бы брыкаться, измысли Райан способ к нему в грудную клетку, зачарованный мгновением, — но девушка ограничивается тем, что нащупывает его сердцебиение сквозь рёбра. И, кажется, остается им довольна. Финехасу ещё предстоит начать в полной мере разбираться в её витиеватых интонациях, но сейчас она точно не звучит разочарованной.

— Оно спешит, потому что ты рядом, — честно отвечает Финн, позволяя тонким ладоням Райан все так же блуждать по его груди, сколько ей заблагорассудится. — Ты его волнуешь. Меня волнуешь. Оно спешит в хорошем смысле.

И разгоняется еще сильнее прежнего, потому что Райан и не думает перестать его волновать. Она опять взволнованно моноложит, зацепившись за встревожившее ее неловкое выражение. Спеша ее успокоить, Финн охотно соглашается: — Как скажешь. Ни из чего вылезать не буду. Мне сохранить свою шкуру только в радость — тем более, раз она тебе нравится, — и Финна, откровенно говоря, эгоистично волнует то, как Райан об этом говорит. И так и тянет поугаждать ее немножко еще, чтобы подробнее узнать, чем именно его кожа ей так приглянулась. Но гораздо более привлекательным выглядит вариант, который Финехас в конечном счете и выбирает — успокоить девушку, не откладывая в долгий ящик. Чтобы немножко приблизить тот момент, о котором говорит Райан: когда она "привыкнет" и нервы перестанут все время напряженно стягивать ее лицо. Финну кажется, тогда она станет еще красивее, да и просто хочется увидеть, насколько другой бывает ее улыбка.

Правда, возможно, он все обнуляет следующей же фразой, когда, не сдержавшись, все же интересуется, поглаживая Райан по волосам: — А чем именно тебе так нравится моя кожа?

Райан О'Мера

- В хорошем? - эхом повторила Райан. И неосознанно повторила еще и интонации Финна, и сама робко заулыбалась тому, как это звучит. Ей было немного страшно, что юноша рассердится на нее за это, обвинит ее в том, что она, как неумный попугай, попросту сдирает его слова и голос, - но гораздо сильнее ей понравилось, как она сама прозвучала в этом повторе. Финн весь неторопливый, текучий, лениво-спокойный. Райан казалось, он как полноводная река, уверенная в своих силах и оттого никуда не спешащая, не суесящаяся; как величественный Нил, которому нет нужды гнаться за этой жизнью или пытаться ее обогнать. И, на миг скопировав его в интонациях, Райан вдруг кратко и себя ощутила немножко такой же. Спокойной, как в броне, приятно неуязвимой. Но это ощущение почти сразу же растаяло, и Райан, пытаясь поймать его снова, теснее вжалась в Финна, так, словно хотела раствориться в нем.

И после этого теоретически страшный вопрос вдруг совсем-совсем не застал ее врасплох.

- Тем, что она тебе очень идет, - мгновенно ответила Райан, позабыв даже устыдиться того, какая это жуткая банальность. Она осторожно потянулась ладонью, коснулась шеи и щеки Финна, потом, осмелев, погладила ещё раз, уже плотнее и увереннее. И добавила, пытаясь соотнести ощущения с тем, что говорили ей глаза: - Она очень по-честному тёплая, именно такая, как обещает ее цвет. Меня это завораживает. Мне кажется, если бы кто-то решил составить температурную карту кожи, ты вписался бы в нее идеально. И я... получается, во мне тоже есть что-

то, что тебе нравится? Может быть, не кожа, но что-то другое? - Она волновалась, и у нее, скорее всего, много сейчас в одно ухо влетало, а в другое вылетало, и даже, возможно, она сейчас просила Финна повторить то, что он уже говорил. Но Райан дерзко надеялась, что юноша, проявивший по отношению к ней уже столько терпения, не рассердится и сейчас.

Финехас Зейдан

Ого. Температурная карта, значит.

Впрочем, это только вернее очаровывает Финна, ничего нового. Пока он отчетливо влюблен в манеру Райан говорить и выкладывать неожиданные сравнения – не только в это, впрочем, – и не предвидит, чтобы это могло измениться по какой-либо причине. Девушка умудряется сочинять едва ли не целый мадригал по совершенно ерундовому поводу. Ну как тут не восхититься?

И она ведь ждёт от Финна чего-то похожего, с надеждой смотрит.

Откровенно говоря, юноша подозревает, что здесь прокатят даже какие-нибудь нехитрые банальности. Вниманием кавалеров Райан не избалована, ее оказалось легко сманить парой ласковых слов и взглядов, и сейчас, вероятно, будет не сложнее. Впрочем, за эти прагматичные расчеты Финн тут же сам себя топчет. Он не сманивает. Райан ему искренне нравится, она заслуживает того, чтобы для нее напрячь ленивый мозг и порадовать девушку комплиментом.

– У тебя очень красивые глаза, – шаблонно начинает было Финн. Но дальше он более-менее раскатывается: – Глубокие очень. И уязвимые – но в этом и прелесть. Ты так доверчиво смотришь, что я хочу тебя накрепко обнять и не отпускать ни за что, и никому другого не отдавать. Этим я и продолжу заниматься, с твоего позволения. – Райан по-прежнему сидит у него на коленях, и можно ее безудержно обнимать, чувствовать ее нежную хрупкость и немножко рисовать себе в голове, как он девушку защищает и защищать будет. Это даже как будто чуть-чуть идеально. Во всяком случае, Финн согласен так еще долго сидеть, не сдвигаясь. Ему большой динамики в словах и жестах не надо, его вполне устраивает неторопливая счастливая умиротворенность, вот как сейчас.

Райан О'Мера

Райан доверчиво замерла, как только почувствовала, как Финн сделал вдох. Как раскрылись его легкие, набирая воздух - столько не нужно для обычного выдоха, так вдыхают для слов, для речи, для откровений. И Райан не шевелилась, боясь спугнуть эти пригрезившиеся ей откровения, даже дышать опасалась.

Сказать, что ей понравилось то, что она услышала - это было бы все равно что льющийся с неба солнечный свет скромно обозвать "солнечным зайчиком". Безгранично преуменьшить.

- О-о-о! - с восторженным придыханием сказала Райан. И тут же сама устыдилась того, как громко, даже немного дико это прозвучало, и поспешила спрятать лицо у Финна на плече. - Ох, прости, пожалуйста. Я догадываюсь, что девушки должны звучать не так, когда отвечают на признания в любви. Это должно быть сдержаннее, и красивее, и нежнее, ведь верно? Мне кажется, что так. Но я не знаю. Мне ведь и неоткуда это знать, если быть совсем честной. Если я скажу, что весь мой опыт по этой части можно поместить в игольное ушко, я жестоко преувеличу. Но я хочу это исправить, как можно скорее и лучше, - порывисто призналась Райан. Ее тянуло вычерпать из этих мгновений наедине все и даже больше. И смотреть на Финна так долго, как он только позволит, и сладко таять в его объятиях столько, сколько он

пожелает. Пугливо выждав первые пару секунд - они всегда самые страшные, как ожидание неизбежного и ужасного раската грома после только что промелькнувшей молнии, - Райан так и не дождалась ничего страшного и повторно распласталась у Финна на плече уже смелее, с удовольствием впитывая объятия всем телом.

Девушка чувствовала себя так, словно вдруг обнаружила в книге своей жизни новую главу, совершенно секретную и очень неожиданную, о существовании которой она раньше и не подозревала. И Райан искренне верила, что в этой главе будет написано только все самое хорошее и что закрывать ее никогда-никогда не придется.
